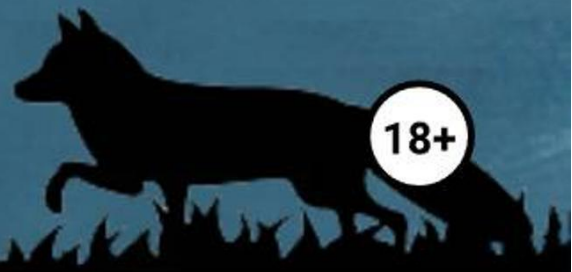

Ткачиха Смукот

Хитрый заяц

18+

Ткачиха Смуток

Хитрый заяц

«Автор»

2026

Смуток Т.

Хитрый заяц / Т. Смуток — «Автор», 2026

Как знали все, Лоэн всегда носил с собой различные яды, приготовленные алхимиком Альбеде. Сегодня Лоэн обнаружил, что его яд.... убивает слишком быстро и нет времени допросить жертву. Кто же в этом виноват? В лаборатории он не нашел главного алхимика, но зато нашел нечто интересное.

Содержание

Глава 1. Побочный эффект	5
Глава 2. Вкус яда	8
Глава 3. Кровь и чернила	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ткачиха Смук

Хитрый заяц

Глава 1. Побочный эффект

Небо над Мондштадтом набухло серой влажной ватой, обещая скорый, мелкий и противный дождь, что способен забраться за шиворот даже под самый плотный плащ. Город Свободы в такую погоду казался притихшим, зализывающим старые раны. Ветер, обычно столь говорливый, сменил песни на глухое завывание в печных трубах.

Лоэн вышел из штаба Ордо Фавониус с тем особым, тупым раздражением в затылке, какое появлялось у него исключительно после общения с Великим Магистром. Варка только что закончил разбор его отчета о вылазке в Заоблачный предел. Вроде бы всё прошло чисто: разведка проведена, цели устранены, возврат без потерь. Но Варка, как старый матерый волк, учиняющий трепку молодому, разбирал каждую мелочь.

Парню было двадцать. Давно не юный рекрут с дрожащими коленками. Варка знал его силу, знал, что Лоэн способен пройти там, где другие лягут костями, но каждый раз, словно на потеху, щекотал ему нервы именно тоном наставника, отчитывающего несмышленища. Лоэн чувствовал, что за этим кроется не насмешка, а, возможно, странная форма отцовской заботы, но легче от этого не становилось. Голова гудела, словно колокол Собора Барбатоса в полдень.

Остановившись под козырьком штаба, он привычным движением проверил подсумки на поясе. Пальцы, огрубевшие от рукояти меча и метательных ножей, скользнули по пустым выемкам. Он недовольно цыкнул, втянув сырой воздух сквозь зубы. Смеси для кинжалов закончились.

Обычно этим занимался Мика — вечно смущающийся геодезист с картами наперевес. Он появлялся неслышно, клал на край стола склянки и просил лишь сухую бюрократическую формальность: «Господин Лоэн, предоставьте отчет о расходе за прошлую неделю». И исчезал. Удобно. Но сегодня Лоэн хотел пойти сам. В последней вылазке он заметил неладное. Яд, которым его снабжали раньше, действовал медленно, вязко. Он обездвиживал жертву, оставляя время для раздумий — своей или чужой смерти. Удушье подкрадывалось исподволь. Теперь же жидкость в его клинках убивала с пугающей, почти благородной скоростью. Быстро, чисто, эффективно. Слишком эффективно для того, к чему привык Лоэн. Ему нужно было знать, чьи это руки замешали смерть по новому рецепту.

Он толкнул тяжелую, обитую железными полосами дверь алхимической лаборатории. Та поддавалась с низким, недовольным скрипом.

— Альбедо? — позвал он, переступая порог.

Ответа не последовало. Внутри было душно, воздух казался плотным, почти осязаемым. В ноздри ударил резкий, химический запах — смесь пережженной серы, гнилой сладости тухлого яйца и чего-то металлического. Глаза мгновенно заволкло пеленой, будто он нырнул в молоко. В углу, возле стеллажа с ретортами, смазанно двигался силуэт.

— Альбедо, ты тут? — повторил Лоэн громче, чувствуя, как язык начинает неметь.

Фигура испуганно дернулась, роняя что-то стеклянное с тонким звоном, и поспешила к нему. Сквозь едкий туман он увидел лишь светлое пятно волос необычного, мятного оттенка.

— А... Господин Лоэн? Ох... Вам лучше выйти! Сейчас тут очень опасно находиться!

Голос был женским, тонким и дрожащим, словно струна арфы, которую дернули невзначай. Лоэн хотел ответить колкостью, хотел спросить, кто посмел устроить в самом сердце Мондштадта химическую атаку, но тело его не слушалось. Сознание померкло раньше, чем он успел ощутить глухой удар затылка о доски пола.

Очнулся он от чувства, будто в черепную коробку залили расплавленный свинец. Тяжесть, неповоротливость и глухая тошнота. Он лежал на чем-то жестком, но обитом мягкой кожей. В нос бил запах пыли, старых книг и луговых трав. На нем был плед.

Лоэн разлепил веки. Потолок лаборатории плыл в мутной дымке, но ядовитого тумана уже не было — окно распахнуто настежь, в комнату врвался спасительный, влажный сквозняк.

— Что... произошло? — его собственный голос показался ему чужим, скрипучим, словно несмазанная петля.

Послышался стремительный топот, и над ним, заслоня собой тусклый свет дождливого дня, возникло лицо. Круглое, встревоженное, с огромными, позолоченными тревогой глазами за стеклами круглых очков. Волосы цвета мяты обрамляли это лицо легкими прядями, но взгляд Лоэна, хищника до мозга костей, мгновенно зацепился за деталь, выбивающуюся из человеческой нормы: два больших, пушистых уха, торчащих из-под челки. Они подрагивали и прижимались к голове, выдавая крайнюю степень паники. Лисий призыв, а не девушка.

— Господин Лоэн, как вы себя чувствуете? Ох... Барбара мне этого никогда не простит... — затараторила она, и в этом потоке слов не было пауз, словно она боялась, что если замолчит, то он снова умрет. Она схватила со стола чашку с водой и протянула ему. — Выпейте, пожалуйста, это нейтрализует остаточное действие.

Он не взял воду. Он перехватил ее тонкое запястье и отвел руку в сторону, не сильно, но настойчиво. Ему не нужна была жалость, ему нужны были ответы.

— Я потерял сознание. Что это была за едкая гадость? И ты... — он прищурился, пытаясь сфокусировать зрение на дергающихся ушах, — ты кто?

Девушка отшатнулась, прижимая чашку к груди, как щит. Лоэн сел, спуская затекшие ноги на пол. Голова отозвалась новой волной боли.

— Я... Меня зовут Сахароза, — пролепетала она, нервно поправляя очки. — Я алхимик... помощница господина Альбедро. Его сейчас нет в городе. А это... — она запнулась и бросила виноватый взгляд на стол, заставленный колбами с ядовито-зеленым осадком. — Это был пар от моих экспериментов. Побочный эффект реакции био-алхимической экстракции на основе анемо-кристаллов и пылицы прыгунцов... Я не думала, что кто-то придет! Я заранее приняла антидот, поэтому нахожусь здесь. Это вышло случайно!

Она тараторила, путаясь в терминах, а Лоэн молча разглядывал ее. Зверолюдка. Пугливая, словно заяц, попавший в силки. Уши, глаза, дрожащие руки. Вроде бы хрупкая, но её субстанция, заполнившая комнату, вырубил его, опытного разведчика, за считанные секунды.

— Ясно, — сухо резюмировал он.

Он попытался встать, но тело еще не слушалось до конца — он пошатнулся и вынужден был снова опуститься на диван.

— Вообще-то я пришел за ядом для кинжалов, — сказал он просто, как о чем-то обыденном, вроде покупки хлеба. А затем уголок его губ дернулся в усмешке, холодной и острой. — Но, знаешь... меня сжирает любопытство. Что же ты такое делала? Побочный эффект, говоришь? Если запихнуть эту твою «ошибку» в дымовые бомбы, получится отличное оружие массового поражения. Даже Варка бы одобрил.

Сахароза замерла. Её взгляд стал отсутствующим, направленным не на Лоэна, а куда-то вглубь себя, в бездну химических формул и биологических процессов. Беспокойство сменилось чистой, незамутненной озадаченностью. Пушистые уши перестали дрожать и встали торчком.

— А... Да. Пожалуй, это можно было бы сделать... — произнесла она медленно, словно пробуя мысль на вкус. — Диаметр распыления, скорость седации... Наверное, это будет эффективно. Очень эффективно. Я подумаю над этим.

Лоэн наблюдал за этой метаморфозой. Только что перед ним стояла испуганная девочка, готовая провалиться сквозь землю, а теперь — ученый, чей мозг уже просчитывал траектории отравленных стрел. Забавно.

Внезапно Сахароза встрепенулась, будто вспомнив о чем-то жизненно важном:

— А! Точно! Яд для кинжалов! Господин Альбеде оставил готовую партию перед уходом. Я сейчас!

Она ринулась к шкафу, проворно перебирая коробки с пузырьками. Лоэн смотрел на её ссутуленную спину. Странное создание. Не человек и не зверь. Уши лисьи, а хвоста нет, в отличие от той же Дионы из «Кошкиного хвоста». Чистый, незамутненный разум, запертый в теле вечно испуганного существа.

— Нашла! — воскликнула она, оборачиваясь. В руках у неё была небольшая деревянная коробка. Внутри, в гнездах из бархата, покоились склянки с жидкостью бледно-голубого, почти ледяного оттенка. — Это он самый. Альбеде сам его делал.

Лоэн принял коробку, оценивая вес и блеск жидкости. В его голове тут же сложился пазл: новая смертоносная смесь, которую приносил Мика, была не отсюда.

— А ты сама яды не готовишь? — спросил он, не поднимая глаз.

Сахароза вновь принялась нервно переминаться с ноги на ногу, поправляя очки.

— Господин Альбеде обычно делает их сам. Прошлую партию... ту, что у вас была раньше, сделала я. Но только потому, что он отсутствовал очень долго.

Лоэн медленно поднялся. Теперь он знал, кому обязан своим удивлением на поле боя. Эта скромная «лисыя» девушка создала яд, который отправлял врагов на тот свет без права на последнее слово. Быстро и безжалостно.

Он выпрямился во весь рост, возвышаясь над ней. В руке — коробка с мирной работой Альбеде, а в памяти — вкус её смертоносного зелья.

— Понятно. Но знаешь... — он сделал паузу, растягивая тишину, отчего её уши вновь начали дрожать, — ты ведь меня сегодня чуть не убила. Даже не знаю, куда на тебя жаловаться пойти.

Фраза прозвучала ядовито, но в голосе сквозила усмешка. Не угроза, а проверка на прочность.

Сахароза вспыхнула, её лицо залилось краской стыда, и она заметалась по комнатке, словно ища спасения от его взгляда.

— Ох, нет-нет! Господин Лоэн, всё не так! Этот дым не убивает! Он лишь усыпляет, честное слово! Я бы никогда... Я просто испугалась, потому что не ждала посетителей и... прошу вас, не говорите никому!

Она опустила глаза, и в этом жесте было столько искреннего ужаса перед возможным наказанием, что Лоэн вдруг понял: она боится не его клинков, а того, что её отлучат от экспериментов.

— Ладно, — протянул он, окидывая её долгим, оценивающим взглядом, словно прицеливаясь. — Не стану никому говорить. В этот раз.

Он шагнул к выходу, оставляя за спиной запах трав и пропитанную химией тишину.

— Я пошел.

Дверь захлопнулась, и Сахароза осталась стоять посреди лаборатории, прижимая к груди пустую чашку. В ушах ещё звенел его хриловатый голос, а в комнате, несмотря на открытое окно, стало будто ещё холоднее.

Глава 2. Вкус яда

Путь до казарм Ордо Фавониус лежал через площадь перед собором. Морось, обещанная небом, наконец перешла в мелкий, противный дождь, который не стучал, а словно впитывался в одежду, в кожу, в кости. Лоэн шел размеренным шагом, прижимая к боку деревянную коробку со склянками, и в этом ритме не было ни усталости, ни спешки.

Те немногие сослуживцы, что попадались ему навстречу в узких переходах казармы, спешили убраться с дороги. Они не могли объяснить почему. Внешне он выглядел как обычно: плащ с эмблемой Ордо Фавониус на плече, взгляд направлен куда-то сквозь стены, молчалив и собран. Но те, кто мельком взглянул на его лицо, готовы были поклясться перед Семью Архонтами: по его губам скользила улыбка. Легкая, едва заметная складка в уголке рта. И от этой улыбки у самого опытного солдата кровь стыла в жилах быстрее, чем от боевого клича мага Бездны.

Лоэн толкнул дверь в свою комнату, и та захлопнулась за его спиной с глухим, утробным звуком, отрезая его от остального мира.

Комната была аскетичной до безразличия: узкая койка, заправленная без единой складки, стол, стул, медный графин с водой, да стойка с оружием в углу, на которой покоились клинки в потертых, но ухоженных ножнах. Здесь не было ни личных вещей, ни украшений, ни писем. Лишь пустота, пригодная для того, чтобы в ней перевести дух перед следующей вылазкой.

Он поставил коробку на стол и, не раздеваясь, рухнул на стул. Дерево жалобно скрипнуло под его весом. Тело всё ещё помнило ту ядовитую пелену, что окутала его в лаборатории: мышцы ватные, в висках — остаточное эхо дурноты, язык — словно присыпан пеплом.

— Забавный... побочный эффект, — проговорил он в тишину комнаты, и собственный голос показался ему чужим, с хрипотцой.

Он потянулся к медному графику и налил воды в граненый стакан. Поднес к губам, сделал глоток. Вода была тепловатой, с легким металлическим привкусом — графин давно не чистили. Но сейчас это не имело значения. Он смотрел куда-то сквозь мутное стекло стакана, в пустую стену напротив, и на его лице, искаженном отражением, расцветала улыбка. Не та, пугающая ухмылка, что видели сослуживцы, а нечто иное — маниакальное, глубоко личное, полное тихого, почти интимного удовлетворения.

— Какой талант... у этой девчонки, — прошептал он в кружку, и глаза его, отражая свет дождливого дня, сверкнули опасным, хищным огнем.

Тем временем в алхимической лаборатории время тянулось иначе — рывками, от одного посетителя к другому, от одной колбы к другой.

Сахароза стояла, замерев, еще добрую минуту после того, как тяжелая дверь закрылась за спиной рыцаря. Его шаги стихли в коридоре, но эхо его присутствия всё ещё висело в воздухе, тяжелое и давящее.

— Он... он же будет в порядке? — спросила она у пустоты, сжимая пальцами край своего лабораторного фартука. — И... он ведь не расскажет никому?

Вопросы повисли без ответа, впитавшись в стены, пропитанные запахами химикатов. Господин Альбедро отсутствовал уже вторую неделю. Его исследования завели его в самое сердце пустыни Сумеру, в древние руины, о которых он говорил с тем редким блеском в глазах, что выдавал его истинный научный азарт. «Я вернусь не раньше чем через месяц, Сахароза. Лаборатория на тебе». И всё легло на её хрупкие плечи — все заказы, все текущие эксперименты, вся ответственность.

Стоило Лоэну уйти, как дверь, словно по закону подлости, распахнулась снова. На пороге возникла Барбара, раскрасневшаяся после беготни по городу, с просьбой о мазях от высыпаний

для одной из прихожанок. А следом за ней, шурша юбками и источая аромат роз и старых книг, пожаловала сама Лиза Минчи, главный библиотекарь Ордо. Ей срочно требовалось средство от книжного шашеля и моли — «смертоносное, детка, но чтобы чернила не разъедало, сама понимаешь».

Будни Сахарозы были хаотичны, как цепная реакция, вышедшая из-под контроля. Всем что-то требовалось, все хотели получить результат «еще вчера», а её собственные эксперименты — те самые, ради которых она жила и дышала, — требовали проверки строго по графику. Любое отклонение грозило либо взрывом, либо утерей бесценных данных. Она металась между ретортами, паяльной лампой и журналом заказов, чувствуя, как голова идет кругом не от химии, а от банальной усталости.

Прошло три дня. Три дня, наполненных шипением реактивов, скрипом пера и звоном склянок. Лоэн не появлялся, и Сахароза, погруженная в работу, почти забыла о том странном визите. Почти.

На третий день, ближе к вечеру, она стояла у рабочего стола, поднеся к свету масляной лампы колбу с оранжевой, вязкой жидкостью на дне. Реагенты тихо потрескивали, нагреваясь, и она, поправив большие круглые очки на переносице, всматривалась в структуру субстанции. «Риск кристаллизации при повышении температуры выше сорока градусов — допустим, но если добавить стабилизатор на основе...»

В дверь постучали. Она не услышала. Стук повторился, и затем дверь жалобно скрипнула, пропуская в комнату поток сырого воздуха и высокую фигуру в плаще. Краем глаза, у самого края своего поля зрения, Сахароза уловила движение — темный силуэт, метнувшийся к ней.

Сердце ухнуло в пятки. Пальцы дрогнули. Драгоценная колба с трескучей оранжевой жижей выскользнула из рук.

— А? Ааах! Ой... Ай-яй-яй... Ох!

Лишь чудом, каким-то рефлексом, выработанным годами работы с хрупкими материалами, она поймала колбу у самого пола, прижав её к груди обеими руками. Дыхание перехватило. Она медленно выпрямилась, чувствуя, как бешено колотится сердце где-то у самого горла, и повернулась к источнику своего испуга.

— Г... Господин Л... Лоэн? — выдохнула она, мысленно перебирая причины, по которым этот человек мог снова переступить порог её лаборатории. В голове пронеслось всё: от «он передумал и пошел жаловаться Варке» до «он хочет лично меня отравить моим же ядом». Ни один вариант не сулил ничего хорошего. — Что привело вас сюда?

Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел на неё. На его лице играла та самая улыбка — закрытая, растянутая до самых ушей, но не добрая, а какая-то кошачья, маниакальная. Глаза, полуприкрытые и расслабленные, смотрели с ленивой поволокой, от которой у Сахарозы по спине пробежал холодок.

Он не ответил сразу. Вместо этого он медленно, вальяжно прошелся по комнате, заложив руки за спину. Его взгляд скользил по стеллажам с книгами, по штативам с пробирками, по её рабочему столу, заваленному заметками. Наконец, он задержал взгляд на ней, а затем перевел его на колбу в её руках. Легко, почти неслышно усмехнулся и, не спрашивая разрешения, плюхнулся на тот самый маленький кожаный диванчик, что стоял у стены. Тот самый, на который она три дня назад уложила его бесчувственное тело.

— Занятно... — протянул он, растягивая слово, словно пробуя его на вкус. Его взгляд лениво обвел комнату и остановился на ней. — Сахароза, правильно?

Он спросил это почти невинно, удостоверившись, что верно запомнил имя. Сахароза вздрогнула, поправила очки свободной рукой и крепче прижала к себе колбу, чувствуя, как от тепла её ладоней жидкость внутри начинает потрескивать чуть громче.

— Д... Да... Господин Лоэн?

— Просто Лоэн, — перебил он низким, грудным голосом, и на долю секунды его лицо стало серьезным, почти опасным. В этот миг с него слетела вся маска наигранной расслабленности, и она увидела того, кем он был на самом деле — хищника. Но уже в следующее мгновение улыбка вернулась, кривая и странная, от которой веяло то ли обещанием доброты, то ли скрытой угрозой убийства. В его случае всё что угодно могло скрываться за этим оскалом безумца. — Не утруждайся.

Он смахнул с переносицы упавшую прядь пепельных волос и сел более вальяжно, закинув ногу на ногу. Сахароза кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она стояла и смотрела на него вопросительно, и было видно, как кончики её пушистых лисьих ушей мелко-мелко подрагивают, выдавая крайнюю степень нервозности.

— Твой талант... — вновь заговорил Лоэн, глядя куда-то в потолок, — меня впечатлил. Я, конечно, был слегка озадачен поначалу. Думал: почему же яд действует так быстро? К чему такая спешка? Но потом понял. Такая быстрая, жестокая расправа... У-у-ух... — он вдруг поморщился, но это была гримаса не боли, а глубокого, почти эстетического удовлетворения. — Впечатляет, — выдохнул он это слово, смакуя его, словно дорогое вино.

Он подался вперед, упершись локтями в колени. Свет лампы упал на его лицо, делая глаза двумя глубокими колодцами под тенью челки.

— А твой недавний «побочный продукт»... Тот самый дым... Он заинтересовал меня. Очень сильно.

Сахароза судорожно вздохнула и, решив, что держать колбу в руках сейчас слишком опасно, аккуратно поставила её на деревянную подставку на столе. Руки тут же нашли привычное занятие — теревить край лабораторной юбочки. Она поправила очки, которые тут же снова сползли на кончик носа.

— Господин... то есть... Лоэн... Вы... Я польщена, правда... Что вы так цените мой... талант. — Её взгляд метался по комнате, цепляясь за что угодно, лишь бы не встречаться с его тяжелым взглядом. — Но сейчас... у меня так много... Много всего, что требуется сделать... А господин Альбеда... его не будет ещё так долго...

Она лепетала, запинаясь, подбирая слова, словно осколки разбитой колбы.

— Ты мне отказываешь?

Голос Лоэна прозвучал просто. Тихо. И от этой простоты воздух в комнате, казалось, заledenел. Взгляд его стал холоднее самого чистого Крио, лишенный всякой игривости. Сейчас перед ней сидел не странный посетитель, а человек, привыкший получать желаемое любой ценой.

Сахароза в панике замахала перед собой руками, выставив ладошки в белых перчатках.

— Нет-нет, что вы! Я ни в коем случае не... Просто... Прошу вас, может быть, немного обождать? — Кончики её ушей затряслись так сильно, что, казалось, она сейчас взлетит. — Я просто не справляюсь одна, и у меня совсем нет времени на новые проекты!

Лоэн хищно усмехнулся. Эта дрожь, этот страх в её глазах — он был ему приятен. Не как садисту, а как художнику, видящему податливую глину. Он медленно, не сводя с неё глаз, поднялся с дивана. Его шаги по скрипучим половицам были неспешны, словно шаги зверя, подкрадывающегося к добыче. Он приблизился к ней почти вплотную и, не спрашивая, взял со стола ту самую колбу с оранжевой жидкостью. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на испуганных глазах, а затем переместился на колбу, которую он поднял к свету.

— Иногда мне дают выходной, — заговорил он, и голос его стал почти вкрадчивым, бархатистым, но от этого не менее пугающим. — Иногда я не знаю, чем себя занять после вылазки. Между тренировками, отчетом и... сном.

Он протягивал слова, рассматривая, как маслянистая жидкость перетекает по стеклянным стенкам.

— Я мог бы... помочь тебе, Сахароза. — Он вновь перевел взгляд на неё, на этот раз глядя прямо в глаза, в самую душу. — А ты бы заодно рассказала мне больше о ядах. И о том, как сделать так, чтобы они... впечатляли еще сильнее.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим треском реактива в колбе. Сахароза не знала, как реагировать. Она слышала о Лозне. Не сплетни, нет, — в Ордо не принято злословить за спиной. Но порой, когда рыцари возвращались из рейдов и думали, что их никто не слышит, они перешептывались. О его жестокости в бою. О его безумной, пугающей улыбке, которую он дарил врагам перед последним ударом. О его психике, балансирующей на грани дозволенного. Репутация человека, с которым лучше не оставаться наедине.

— А... Ну... Может быть... Если вам так угодно... — выдавила она из себя и невольно отступила на полшага назад, упершись поясницей в край тумбочки.

Лозн заметил это движение. Увидел её страх, её желание стать меньше, незаметнее, раствориться в воздухе. Он опустил взгляд в пол и усмехнулся — тихо, почти неслышно. Затем медленно облизнул губы, провел взглядом по стоящим рядом тумбочкам, заставленным баночками и инструментами, и с мягким стуком поставил колбу обратно на подставку.

— Что ж... — выпрямился он, и на его лицо вернулась та самая маска — улыбка до ушей и расслабленный, почти сонный взгляд. — Сегодня я, пожалуй, уйду. У меня еще тренировка.

Он не спрашивал разрешения прийти снова. Не интересовался, удобно ли ей будет. Он просто ставил её перед фактом.

— Думаю, после тренировки загляну к тебе снова.

Он развернулся и тем же медленным, вальяжным шагом направился к выходу. Сахароза смотрела ему в спину, не в силах пошевелиться. Когда дверь за ним захлопнулась, отрезав звуки коридора, она наконец смогла вдохнуть — глубоко, судорожно, словно всё это время провела под водой.

Ноги подкосились, и она тяжело оперлась ладонями о тумбочку, чувствуя, как дрожат колени. В ушах всё еще стоял его вкрадчивый голос: «Я мог бы... помочь тебе». Помощь от такого человека, как Лозн, пугала её гораздо больше, чем любой яд, который она могла создать своими руками.

Глава 3. Кровь и чернила

Плащ, небрежно сброшенный с плеч, упал на деревянный манекен у входа на тренировочную площадку. Ткань легла тяжелыми складками, словно саван, наброшенный на обезглавленное тело. Лоэн шагнул под открытое небо, где ветер Мондштадта, всё ещё влажный после недавнего дождя, трепал вымпелы Ордо Фавониус.

Его походка была странной, почти противоестественной. Он двигался так, словно одновременно скользил по льду и крался в высокой траве, выслеживая добычу. Спина прямая, разворот плеч — безупречный, как у офицера на параде. Но выражение лица... Оно оставалось неизменным с того самого момента, как он покинул лабораторию: расслабленная полуулыбка, полуприкрытые веки, взгляд, направленный куда-то сквозь реальность. Именно это выражение пугало больше всего. Не гнев, не ярость — а холодное, отстраненное безумие, дремлющее под тонкой коркой спокойствия.

Он подошел к стойке с оружием и, не глядя, сомкнул пальцы на древке копья. Вытащил его одним плавным движением, провернул в ладони, привыкая к весу и балансу. Наконечник из звёздного серебра тускло блеснул в сером свете пасмурного дня.

На площадке уже собралось несколько рыцарей. Не новобранцы — те, кто не раз ходил с Лоэном в вылазки, видел его в бою и знал, на что он способен, когда кровь закипает в жилах. Они разминались, перебрасывались деревянными мечами, но стоило ему появиться, как воздух вокруг словно сгустился.

— Ну что, кто сегодня? — протянул он, продолжая лениво вращать копьё в пальцах. Древко свистело, рассекая воздух.

Рыцари переглянулись. Этот взгляд был им знаком — взгляд людей, которых зовут не на тренировку, а на собственную казнь, и они это прекрасно понимают. Молчание затянулось. Наконец, вперед шагнул один — молодой, широкоплечий, с рыжеватой щетиной на подбородке. Он еще не успел сегодня размяться, и по его лицу читалось мрачное принятие неизбежного.

— Я, — выдохнул он, поднимая учебное копьё. — Только будь поласковее, Лоэн.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было вызова — лишь горькая ирония солдата, знающего, что через пять минут он уйдет с этой площадки, покрытый синяками и ссадинами, но уйдет на своих ногах. И это уже будет маленькой победой.

Лоэн ничего не ответил. Лишь улыбка его стала шире, обнажив край зубов, а в глазах вспыхнул тот самый огонь — предвкушение. Он не встал в стойку, не принял оборонительную позицию. Он просто исчез с того места, где стоял.

Его тело окутало безумие боя. Движения были непредсказуемы, лишены всякой логики, которую вдальбивали новобранцам на уроках фехтования. Он не атаковал — он врывался, словно штормовой ветер, ломающий вековые сосны. Копьё в его руках было не оружием — продолжением его воли, быстрым, гибким, беспощадным. Рыцарь едва успевал уклоняться, блокировать, отступить. Древко Лоэна било по корпусу, по ногам, по рукам — не смертельно, но болезненно, оставляя на коже росчерки будущих гематом. Никаких правил. Никакой пощады. Только танец хищника, играющего с жертвой перед последним укусом.

Остальные рыцари молча наблюдали, и в их глазах читалось одно: хорошо, что не я.

В лаборатории время вновь обрело свой привычный, дробный ритм. Сахароза отдышалась лишь спустя минуту после ухода Лоэна. Сердце колотилось где-то у горла, а ладони под белыми перчатками были влажными. Она машинально поправила очки, перевела взгляд на колбу — и охнула.

Время! Она сбилась с графика наблюдения!

Схватив лабораторный журнал, она принялась лихорадочно записывать показатели, сверяясь с песочными часами на полке. Реакция ушла чуть дальше, чем планировалось, но всё ещё была в допустимых пределах. Она выдохнула, сделала пометку на полях и вернулась к работе. Но даже когда руки её были заняты перегонкой и фильтрацией, в голове продолжал звучать его голос. Низкий, вкрадчивый, словно остаточный звон колокола после того, как сам звон давно стих.

Он пришел через три часа.

Дверь отворилась без стука, пропуская в комнату запах вечерней сырости и металла. Лоэн переступил порог уже в другой форме — простой, но опрятной, волосы влажные после умывания, на скуле — свежая царапина, которой он, казалось, не замечал. Лицо его излучало то особое, хищное удовлетворение, какое бывает у человека, только что одержавшего победу. Где-то в лазарете у Барбары его недавний партнер по спаррингу сейчас залечивал ушибы и растяжения, проклиная тот миг, когда решил сегодня выйти на площадку.

Сахароза ждала его. Знала, что придет. И всё же, когда его высокая фигура возникла на пороге, кончики её ушей предательски дрогнули, выдав волнение. Она стояла у рабочего стола, аккуратно нарезаая какой-то плотный, волокнистый корень на тонкие, ровные слайсы. Нож размеренно опускался на деревянную доску: тук... тук... тук...

Лоэн замер в дверях, склонив голову набок и наблюдая за этим процессом с видом праздного зеваки, заглянувшего на чужую кухню.

— О-о-о... — протянул он с той особой интонацией, что была одновременно язвительной и напускно-нежной. — Неужто готовка в лаборатории? А я-то думал, здесь только смерть варят.

Сахароза на мгновение замерла, но тут же продолжила работу. Она поправила очки кончиком пальца, стараясь, чтобы голос звучал ровно и профессионально. Не давать ему повода для насмешек. Не показывать страх.

— Нет. Это основа для лекарства от ожогов. Корень галанги. Обладает охлаждающим и регенерирующим свойством.

Она ответила коротко, сухо, надеясь, что он потеряет интерес и уйдет. Но Лоэн не ушел. Он двинулся вперед — бесшумно, словно подкрадываясь. Половицы под его ногами даже не скрипнули. Сахароза не услышала его приближения, а лишь почувствовала: тепло чужого тела совсем рядом, запах стали и вечернего воздуха.

Он остановился за её плечом. А затем, без тени смущения, без малейшего «позволь», протянул руку и накрыл её ладонь своей, сжимающей рукоять ножа. Его пальцы были холодными и твердыми. Он слегка отвел её руку в сторону, освобождая себе пространство перед доской. Взял следующий фрагмент корня и сделал два быстрых, точных среза. Слайсы легли ровно, один к одному, толщиной едва ли не в папирусный лист.

— Так? — спросил он буднично, словно всю жизнь только и делал, что помогал алхимикам с заготовками.

Сахароза застыла. Внутри неё боролись два чувства: молчаливое возмущение от столь вопиющей бесцеремонности и... удивление. Его движения были точны, выверены. Так режет не повар, так режет тот, кто привык обращаться с острыми предметами и знает анатомию — воин, понимающий, как плоть поддается лезвию. Она перевела взгляд на доску, оценивая результат. Срезы были идеальны.

— Д... да... — выдохнула она, не зная, что еще сказать.

Лоэн довольно ухмыльнулся — краем губ, даже не глядя на неё. Он придвинул к себе оставшуюся часть корня и, не спрашивая разрешения, принялся за работу. Нож в его руке ходил размеренно и плавно.

— Ты можешь заняться чем-то ещё, — произнес он тоном, не терпящим возражений, но при этом почти ласковым. — Я нарежу это.

Это было сказано так просто, будто они стояли не в алхимической лаборатории, пропитанной запахами серы и трав, а на обычной кухне, и он вызвался почистить морковь к ужину. Абсурдность происходящего накрыла Сахарозу с головой.

Она посмотрела на него с недоверием, прищурившись за стеклами очков. Но спорить не решилась. Медленно, всё ещё ожидая подвоха, она пододвинула к себе тяжелую каменную ступку, насыпала в неё горсть мелких, пахнущих мятой и полынью лечебных семян и взялась за пестик.

Лоэн краем глаза наблюдал за ней. Его руки двигались автоматически, отточенным годами тренировок движением, но внимание было приковано к ней. Она выглядела загнанной, утомленной бесконечными делами, но не сломленной. В её движениях не было суеты — лишь ответственность и старание. Хрупкая девушка с лисьими ушами, на плечах которой держалась вся алхимическая служба города, пока её господин пропадал в песках Сумеру. И она не жаловалась. Просто работала.

По его лицу вновь скользнула та самая хищная ухмылка — на миг, не дольше. А затем она затерялась, растворилась в холодной сосредоточенности. Он смотрел на свои руки, на нож, на корень, но видел перед собой нечто иное. Пазл, который он только начал складывать.

Нож лег на стол с тихим, удовлетворённым стуком. Лоэн отступил на полшага и скрестил руки на груди, окидывая взглядом свою работу. На разделочной доске, словно солдаты в безупречном строю, лежали ровные, полупрозрачные слайсы галанги — один к одному, без единого изъяна. Он не произнес ни слова. Лишь молча посмотрел на Сахарозу и легким движением двух пальцев пододвинул доску в её сторону. Жест был скупым, почти небрежным, но в нём читалось: я сделал. Дальше — ты.

Сахароза в этот момент была уже где-то далеко. Не в Мондштадте, не в этой комнате с низкими потолками и запахом реагентов, а внутри самого процесса — того особого состояния алхимика, когда мир сужается до пропорций, консистенций и температур. Её руки двигались сами, перетирая семена в ступке, а взгляд был расфокусирован, устремлён куда-то внутрь себя, где формулы и реакции сплетались в единую, понятную только ей вязь.

Когда край доски коснулся её локтя, она моргнула, возвращаясь в реальность. Опустила взгляд на нарезанный корень. Поправила очки и внимательно осмотрела результат. Пауза. Её глаза, увеличенные линзами, пробежались по ровным краям срезов, оценивая толщину, однородность, качество. А затем она кивнула. Коротко, сухо, удовлетворённо. Без похвалы, без лишних слов — просто профессиональное признание того, что работа выполнена правильно.

Она взяла с полки глиняную миску и аккуратно переложила в неё нарезанный корень. Следом отправилась и та смесь, что она только что растолкла в ступке. Взяла другую ступку — тяжелее, из тёмного, почти чёрного камня, — и пересыпала в неё содержимое миски. Взялась за пестик и принялась толочь.

Лоэн наблюдал. Молча. Его глаза, полуприкрытые, с той самой ленивой поволокой, следили за ритмом её рук. А затем он шагнул вперёд — снова бесшумно, снова без спроса. Его ладонь легла на край ступки, придерживая её, а вторая перехватила пестик, мягко, но настойчиво отстраняя её пальцы.

Сахароза охнула, выныривая из своего транса. На мгновение в её глазах вспыхнуло возмущение. Она открыла рот, чтобы возразить, но замерла, глядя на его руки. Он толк иначе. Не так, как она — осторожно, экономя силы. Он вкладывал в движение вес всего корпуса, плеч, спины. Тяжёлый каменный пестик ходил в его ладони с пугающей лёгкостью, перетирая волокна корня в грубую, но однородную массу. Это было... эффективнее. Гораздо эффективнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.